

уровня страны»². Отсюда могут быть выведены и региональные различия моделей поведения, что важно для понимания некоторых аспектов этнической специфики поведения. Повседневным формам поведения, связанным с бытовым укладом, в книге постоянно уделяется внимание, поскольку виды деятельности в совокупности с объективными условиями деятельности (в частности, с МВС) и составляют основу образа жизни. В трактовке последнего учитывается сложившееся в этнографии широкое понимание быта как совокупности всех устойчивых форм жизнедеятельности и поведения в производственной, общественной и семейной сферах.

Приближение всех параметров быта к современному урбанистическому стандарту, нивелирование социально-культурных различий постоянно акцентируется в работе. Иногда автор даже несколько опережает реальность в своих рассуждениях, и это естественно: во-первых, для него важнее стадийно-типическое в городской культуре, чем статистически распространенное; во-вторых, социологическому анализу вообще свойствен прогностический аспект.

Однако не со всеми утверждениями автора о нивелировании бытовых различий можно согласиться, например с тем, что одежда горожан теряет функцию социального маркирования, и др.

Пожалуй, самые новаторские и в то же время самые дискуссионные идеи И. И. Травина содержатся в последнем разделе книги и касаются путей трансформации интерьера. Здесь развивается выдвинутая еще в 20-х годах (Б. Кушнером) концепция «развешивания», переосмысленная в конце 60—70-х годов К. Кантором³, автором рецензируемой книги и другими искусствоведами, дизайнерами и обществоведами. Одним из ее выражений является архитектурно-дизайнерская концепция «жилища-театра»⁴, предполагающая возможность свободной трансформации жилого пространства и элементов обстановки (подобно декорациям на сцене) в зависимости от изменения функций жилища.

Выступая за коренную модернизацию предметов, составляющих обстановку квартиры (в частности, против косной схемы «меблирования» городской квартиры), И. И. Травин в присущей ему образной манере замечает: «Нужно быть яростным адептом сборно-секционной трансформируемой мебели, чтобы довести до конца идею спланировать свое жилое пространство по своему усмотрению, в соответствии со своими потребностями. Обычный потребитель, склонный к компромиссу, в конце концов впускает на свое «поле» стадо деревянных мастодонтов и смиряется с ролью зрителя своего личного музея, а не хозяина вещей» (с. 107).

Автор видит три пути «развешивания» как реальной альтернативы традиционной организации быта: а) замена вещей централизованными сетями оборудования жилища; б) вытеснение вещей приближенными к жилищу услугами; в) переход к групповым формам использования вещей. Вытеснение вещей должно, по мысли автора, явиться результатом прогресса общественных отношений. За вещами останутся лишь функции символизации социальной и эмоциональной памяти (в какой-то мере, на наш взгляд, это уже происходит с традиционными предметами национального быта в городах, хотя в общем прогноз представляется спорным).

Отечественная и зарубежная этнография внесла значительный вклад в изучение «происхождения вещей», возникновения искусственной культурной среды (достаточно упомянуть работы Е. Э. Бломквист, Д. К. Зеленина, А. Леруа-Гурана, Р. Липпса, К. Рамма и др.). Когда читаешь книгу И. И. Травина, думается, что этнографам пришла пора включиться в дискуссию о путях эволюции и прогноза МВС, сформулировать свою точку зрения на оптимум ее развития. Прогноз развития материальной культуры активно влияет уже на сегодняшнее массовое производство вещей, определяет направление поисков архитекторов, художников, дизайнеров, а значит — формы завтрашнего быта.

Г. В. Старовойтова

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 246.

³ К. Кантор. Красота и польза. М., 1968.

⁴ А. В. Рябушин. Развитие жилой среды М., 1976.

А. Т. Ганалаян. Армянские предания. Ереван, 1979, 356 с.

Научная классификация и изучение народных преданий и шире фольклорной прозы «несказочного» характера в последнее десятилетие является, пожалуй, одной из наиболее актуальных проблем международной и отечественной фольклористики. Разработке этой проблемы были посвящены не только многие международные, общесоюзные и региональные форумы, но и большое число научных трудов фольклористов разных стран¹. В середине 50-х годов, когда в международной фольклористике нарастал интерес к пре-

¹ A. Ancelane. Latviessu tautas teikas. Riga, 1961; R. M. Dorson. Folk legends of Jap. Tokyo, 1962; К. В. Чистов. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы. М., 1964; С. Н. Азбелев. Проблемы международной систематизации преданий и легенд. М.—Л., 1966; В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., 1970; Е. Б. Вирсаладзе. Грузинские народные предания и легенды. М., 1973; Н. А. Криничная. Северные предания, Беломорско-Обонежский регион. Л., 1978, и др.

даниям, крупный специалист по армянскому фольклору Арам Тигранович Ганалаян (ныне действительный член АН АрмССР) уже был занят сбором и классификацией армянских преданий. В начале 60-х годов он опубликовал несколько теоретических статей по преданиям, а в 1969 г. вышел в свет его фундаментальный труд «Армянские предания» (на арм. языке), состоящий из трех основных разделов — исследование; сводные тексты; источники, комментарии, указатели. После издания этого труда, нашедшего широкий резонанс как в Армении, так и за рубежом, А. Т. Ганалаян начал работу над его русским переводом, вышедшим в свет в 1979 г.

Рецензируемая книга не является адекватным переводом одноименного армянского издания, а скорее его новым, переработанным вариантом. В ней сохранена почти та же структура, что и в армянском оригинале, но значительно сокращен исследовательский раздел, особенно за счет тех частей, где детально интерпретировалось содержание преданий, касающихся конкретных фактов истории и культуры армян. В русском издании факты переданы очень сжато, зато почти полностью сохранены жанровая характеристика, система классификации народных преданий, разработанная автором и представляющая большой научный интерес. В разделе основных текстов и особенно их вариантов тоже имеются расхождения с армянским оригиналом. В русском своде содержится 882 основных текста и 49 вариантов, в то время как в армянском — 917 основных текстов и 345 вариантов. С другой стороны, несколько текстов отсутствует в армянском оригинале; они были записаны в течение последнего десятилетия и внесены в русское издание. Значительно сокращены также примечания, в которых приведены предметно-географические данные, связанные с преданиями, а также их источники, имена сказителей и собирателей. Книга снабжена библиографическим списком источников (на двух языках), предметно-именным указателем, кратким словарем национальных понятий и резюме на английском языке.

Оба труда — и на русском и на армянском языках — вполне отражают научно-тестологические принципы составителя и являются в равной мере цельными научными изданиями. В них свод текстов, отражающих основной репертуар армянских преданий, сочетается с их исследованием, подводящим итоги многолетнего тщательного анализа и классификации этих преданий. Такое сочетание делает труд А. Т. Ганалаяна научно более значимым.

Анализируя народные предания во вводном исследовательском разделе рецензируемой книги, А. Т. Ганалаян затрагивает три основных вопроса: жанровое определение преданий, их научная классификация и народное видение истории и культуры Армении.

Основываясь на современных достижениях фольклористики и учитывая характер армянского материала, А. Т. Ганалаян методом сравнения определяет жанровую специфику преданий в системе устной прозы. Заслуживает особого внимания принцип научной классификации автором народных преданий, который отличается самобытностью и новизной. Определяя предания как своеобразный информативный жанр о предметах и явлениях природы, истории и культуры, о мифических и культурно-исторических личностях, А. Т. Ганалаян за исходный принцип типологической классификации преданий принимает формы отражения действительности. Весь репертуар преданий разделен им на три основные группы: а) этимологические (стремление осмыслить непонятные слова — собственные имена, географические названия, наименование предметов); б) объяснительные (народная интерпретация сущности различных предметов и явлений, стремление выявить причины их возникновения); в) житийно-биографические (сообщение биографических сведений, эпизоды из жизни различных реальных и вымышленных персонажей с наличием сюжета и фабулы, которые в предыдущих двух группах отсутствуют или необязательны).

Данная классификация, хотя относится только к основным типологическим группам преданий, довольно четко очерчивает основные контуры репертуара и, самое главное, выявляет внутренние характерные черты этого специфического жанра народно-поэтического творчества.

Забегая вперед, надо отметить, что классификация А. Т. Ганалаяна не осталась лишь на теоретическом уровне; тексты свода распределены в соответствии с основными предметами и персонажами, выступающими в трех названных выше типологических группах преданий.

Опыт классификации А. Т. Ганалаяна, как и опыты других ученых, хотя и не лишены некоторой односторонности, что признает сам автор (с. 15), является весьма серьезным, поучительным и, несомненно, составляет шаг вперед в разработке классификации народных преданий.

Очень важно, что параллельно с вышеуказанной классификацией А. Т. Ганалаян говорит еще о трех основных видах преданий: а) «местные» или «национальные»; б) «международные» или «бродячие»; в) «заимствованные».

Конечно, данное деление может с равным успехом относиться ко всем фольклорным жанрам, а не только к преданиям. Но так как последние связаны с конкретными географическими местностями, реалиями, легендарно-историческими событиями и личностями, то в них указанные выше виды различаются более определенно, чем в других жанрах. А. Т. Ганалаян даже выделяет целые циклы явно заимствованных преданий в армянской (и не только в армянской) традиции (такие, как апокрифические произведения о библейско-христианских персонажах, предания об Александре Македонском, о враче-

вателе Локмане и др.). В качестве международных преданий, имеющих параллели и аналоги (сюжет, мотив, тема, образ) у многих народов, он называет предания о жертвах, заживо замурованных в стенах, о космических светилах и явлениях, о некоторых птицах и животных. А. Т. Ганалаян совершенно справедливо замечает, что нет резкой грани между местными, международными и заимствованными произведениями. «В силу географических, исторических, культурных и других причин местные предания со временем становятся международными и наоборот» (с. 18).

В отдельной главе введения («Народное видение истории и культуры Армении в преданиях») автор анализирует тематическое содержание армянских преданий.

Поскольку предания в силу своей жанровой специфики связаны с конкретной историко-географической средой, реально существующими или существовавшими предметами и явлениями, легендарно-историческими личностями, которые интерпретированы по законам народного мышления и психологии, то объектом изучения ученого стали именно эти реалии, персонажи и особенно их народное восприятие.

Автор вскрывает целый комплекс рациональных и иррациональных представлений, социально-исторических дум и чаяний, которые народ веками связывал с определенным кругом реалий и личностей, выступающих в армянских преданиях. В их число входят горы и камни, реки и водопады, родники и озера, пашни и поляны, животные и растения, культурно-исторические памятники и постройки, страны, области, города, села, а также космические тела и явления, роды, племена, народы, ремесла и ремесленники, легендарно-мифологические личности, носящие в большинстве своем конкретные имена. В армянских преданиях широко и разносторонне отражены природа Армении, ее флора и фауна в тесной связи с мифологическими представлениями, народными и христианскими верованиями, разными культами и магией, ритуалами и обрядами. В преданиях представлены также быт и нравы народа разных эпох, социальная жизнь и отношения между классами, ремесла и торговля, различные стороны жизни и деятельности знаменитых деятелей культуры — зодчих, ученых, писателей, художников (Варпет Момик, Месроп Маштоц, Григор Нарекаци, Нерсес Шнорали, Саят-Нова, Хачатур Абовян и др.). При этом главной темой армянских преданий, как совершенно справедливо констатирует А. Т. Ганалаян, всегда было стремление народа защищать себя от иноземных завоевателей, отстаивать свою свободу и независимость. Эта тема охватывает как деятельность древнейших мифических и исторических борцов за свободу, так и представителей народно-освободительной борьбы XX столетия (Хайк, Арам, Ара Прекрасный, Мушег и Вардан Мамиконяны, Смбат Багратуни, Ашот Еркат, Давид-бек, Геворк Чауш, Андраник).

Автор видит познавательную ценность преданий не столько в том, что они подтверждают или уточняют тот или иной исторический факт, сколько в отражении оценки этих фактов широкими народными массами.

Большую научно-информационную ценность представляет собой второй основной раздел книги А. Т. Ганалаяна — свод армянских преданий, содержащий, как уже говорилось, 931 текст. Предания, включенные в свод, сложились в разное время и в разных регионах исторической Армении, а также в армянских колониях.

Материалы свода извлечены из различных фольклорно-литературных источников, чем и обусловлены их характер и качество. Большинство текстов преданий — подлинные фольклорные записи разных собирателей XIX—XX столетий, сохранившиеся в архивных фондах или опубликованные в фольклорно-этнографических сборниках и изданиях. Часть текстов была записана самим автором или же его корреспондентами в последние десятилетия. Другая, сравнительно небольшая часть материалов представляет собой свободные пересказы народных преданий, сохранившихся в исторических, литературных и других письменных источниках разных времен. Такие тексты подвергнуты автором необходимому редактированию: опущены вошедшие в них извне описательные места, языковое украшательство, элементы стилизации, структурные отклонения и др.

В своде независимо от характера записи фактически представлен основной фонд армянских народных преданий, имеющий большую фольклорную и культурно-историческую ценность не только для одного региона и народа, но и для выявления и изучения международного репертуара указанного жанра.

Тексты преданий распределены по 17 предметно-тематическим группам по роду и характеру основных для повествования предметов и персонажей. Сам автор считает такую систематизацию материалов «практически наиболее удобной», однако делает оговорку: «в некоторых преданиях совмещаются разные предметы и темы», и когда эти предания размещаются по основным из них, то, естественно, пропускаются другие темы и предметы. Этот недостаток систематизации автор в значительной мере устраняет при помощи подробного предметно-именного указателя.

Труды А. Т. Ганалаяна по армянским преданиям (имеем в виду армянский оригинал и его рецензируемый вариант на русском языке) имеют разную научно-историческую ценность. Армянский оригинал, вышедший в свет ровно 10 лет тому назад, является новшеством в армянской фольклористике.

До его появления предания в армянской фольклористике почти не изучались. Разбросанные по различным архивным фондам и печатным источникам, они были почти недоступны даже специалистам, не говоря уже о широком круге читателей. А. Т. Ганалаян не только впервые собрал и создал свод текстов этого жанра народной прозы,

но и основал новую для армянской фольклористики научную дисциплину. Своим трудом А. Т. Ганалаян фактически сделал большой научный вклад в советское армянское народоведение.

Перевод этого труда на русский язык приобретает иное значение. Это первый (к сожалению, пока единственный) случай, когда переводится на русский язык научный свод целого жанра армянского фольклора с исследованием и обширным научным аппаратом. Не только русские фольклористы, но и все читатели, которым доступен русский язык, смогут широко пользоваться русским вариантом свода армянских преданий как достоверным источником. Благодаря русскому переводу, армянские предания входят в международный научный оборот и становятся предметом сравнительного исследования, и, наконец, учитывая современные научные интересы в области международного изучения несказанных жанров фольклорной прозы и внимания к проблеме научной классификации преданий, отметим, что труд А. Т. Ганалаяна, несомненно, привлечет к себе внимание специалистов.

С. Б. Арутюнян

В. И. Молодин. *Кыштовский могильник*. Новосибирск, 1979, 180 с.

Одним из существенных пробелов в исследовании этнической истории народов Западной Сибири является недостаточная изученность эпохи позднего средневековья и нового времени, непосредственно смыкающихся с этнографической современностью. Письменные источники XVII—XVIII вв. при всей их информативности не дают, как правило, полного представления о материальной и духовной культуре населения, которое в них упоминается. В этих условиях первостепенное значение приобретают целенаправленные раскопки поздних археологических памятников, вещественные остатки которых с полным основанием могут быть названы палеоэтнографическими источниками. Именно так подходили к ним выдающиеся советские исследователи — С. И. Руденко, В. Н. Чернецов, А. П. Дульзон. Классическим примером подобного рода исследования стала работа А. П. Окладникова «Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея» (1950 г.). В последующие годы появились интересные публикации по палеоэтнографии тувинцев (С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова) и якутов (И. В. Константинов). Однако далеко не во всех районах Сибири обнаружены более или менее представительные палеоэтнографические комплексы. До недавнего времени к ним относились и Барабинская лесостепь на юге Западной Сибири, интенсивное изучение прошлого которой началось только в самое последнее время. Среди многочисленных открытых здесь памятников различных археологических эпох выделяется Кыштовский могильник, публикации и этнокультурной интерпретации материалов которого и посвящена рецензируемая книга.

Кыштовский комплекс, состоящий из двух могильников (Кыштовка-1, Кыштовка-2), исследован монографически. Могильник Кыштовка-2, описание которого составляет основную часть работы (глава I), насчитывает 140 курганов, в которых было найдено в общей сложности более 500 вещей. Среди них — орудия труда и предметы вооружения, украшения, детали конской упряжи, предметы личного обихода и, что особенно важно, монеты и счетные жетоны, благодаря которым могильник датируется довольно узким отрезком времени — концом XVII — первой половиной XVIII в. (с. 62). Сама по себе коллекция находок Кыштовского могильника весьма значительна — ничего подобного в Барабинской лесостепи и на сопредельных территориях до этого известно не было. Особенно ценно в ней то, что некоторые предметы представлены целыми сериями. Это позволило не только дать их подробную сравнительную характеристику, но и подойти к вопросам типологизации с учетом технологии производства (глава II). Разделы о проушных топорах (19 экз.), ножах (47 экз.), серьгах (47 экз.) и перстнях (39 экз.) представляют по сути дела первые детальные типологические разработки, имеющие важное значение для изучения материальной культуры народов Западной Сибири в недавнем прошлом. Уникальной находкой является металлическое зеркало с богато украшенной внешней поверхностью из кургана 80, по-видимому, среднеазиатского или иранского происхождения (с. 97—99).

Тщательный анализ погребального обряда и предметов сопроводительного инвентаря позволил поставить вопрос и об этнической принадлежности памятника (глава III). Следует отметить, что в условиях Барабинской лесостепи, являвшейся «местом контактов между несколькими этническими группами: хантов — с северо-запада, селькупов — с северо-востока, тюркоязычных племен (барабинских татар) — с юга и иртышских татар — с запада» (с. 3), это задача наиболее сложная и ответственная, требующая в первую очередь правильного методического подхода. Автор обоснованно считает, что на этом этапе исследования «во главу угла следует поставить анализ прежде всего погребального обряда», а затем «выделение в вещественном комплексе тех предметов, которые менее всего оказались бы подверженными влиянию русской материальной культуры, т. е. в большей степени сохранили бы в себе характерные черты, присущие определенной этнической группе» (с. 102, 103). Руководствуясь этим принципом, В. И. Мо-